

почти все их юношество для обучения),⁶⁶ но отражает ли этот рассказ то, что происходило в 1717 году или же характеризует прежний этап школы, нельзя сказать.

Во всяком случае существует документ от 1718 года, который говорит о какой-то новой форме работы московских иезуитов с русскими учениками и, видимо, касается дела, в то время только организуемого. Речь идет «de informandis aliquot juvenibus in lingua latina et germanica» («об обучающихся латинскому и немецкому языкам нескольких юношах») согласно воле самого царя. Для помещения этих юношей была приспособлена «cubiculum in domo» («комната в доме») миссии, далее организовано было питание воспитанников так, что они получали деньги на руки для приобретения еды «pro suo gustu et libitu» («по своему вкусу и желанию») в соседнем с миссией трактире.⁶⁷ Эти и иные подробности об организации школы создают впечатление, что шла речь уже не о детях знатных московских вельмож и бояр, а о людях более скромного социального положения. Когда иезуиты устраивали в 1699—1700 годах интернат для знати, заботились об обширных спальнях для князей и дворян, для Головкиных была устроена особая комната,⁶⁸ хотя дело касалось еще деревянных построек на усадьбе миссии. Но в 1718 году уже говорится только об одном «cubiculo» для всех, да и самый порядок питания едва ли подходил для знатных воспитанников.

В данном случае мы имеем перед собою, по-видимому, опыт обучения практически необходимым языкам уже не будущих российских дипломатов, но скромных работников новых русских правительственных учреждений. Припомним, что при изгнании иезуитов из России в 1719 году в царском указе от 18 мая прямо говорилось: «слышим, что оные (иезуиты, — А. Ф.) учеников многих в свой закон (т. е., очевидно, в свою римскую веру, — А. Ф.) привели, а нанпаче из мещанского» (состояния, — А. Ф.)⁶⁹ Тут имелись в виду, конечно, именно те ученики, о которых писали московские иезуиты в 1718 году.

II

Для истории латинской школы в Астрахани мы располагаем весьма отрывочными данными, однако они приобретают достаточную выразительность и определенность, если познакомиться с основными фактами истории католической миссии в Астрахани вообще. Миссия эта находилась в руках представителей ордена капуцинов.

На необходимость учитывать эту миссию в рамках истории русского школьного образования явно указывает известный факт обучения у астраханских капуцинов замечательного деятеля русской науки и культуры первой половины XVIII века В. К. Тредиаковского. В своих автобиографических записях он сообщает, что «в молодых моих летах» он обучался «словесным наукам на латинском языке» в Астрахани у римских «живущих тамо отцов». Это имело место скорее всего в 1719—1720 годах. Из Астрахани Тредиаковский вскоре уехал (может быть, бежал) в Москву, где в 1723 году поступил в класс риторики Славяно-греко-латинской академии, т. е. видимо, был уже недурно подготовлен к учению. Догадка известного академика историка Г. Ф. Миллера о содействии капуцинов бегству Тредиаковского едва ли осно-

⁶⁶ А. И. Тургенев. *Historia Russiae...*, т. II, Petropoli, 1842, 324 и сл.

⁶⁷ Д. А. Толстой. *Римский католицизм в России*, т. I, стр. 350, прим. 5, прошение миссионеров от 10 июля 1718 года.

⁶⁸ Письма и донесения, №№ 290 (99), 359 (183), 360 (184).

⁶⁹ Полное собрание законов Российской империи, т. V. СПб., 1830, стр. 694, № 3556; А. Florovskij. *Čeští jesuité na Rusi*, s. 283.